

Автор: Баранников А. (Россия)

Deprivation в переводе с английского означает лишение, утрату (от лат. *privare* — отделять, *de* — усиление, движение вниз).

Распространение этого понятия связывают с наблюдениями Джона Боулби [3, 4, 23, 24], описывавшего последствия сепарации у детей и подростков, помещенных в приют и лишившихся родителей в годы Второй мировой войны. В дальнейшем этот термин стал применяться более широко в связи с рассмотрением различными исследователями большого количества вариантов недополучения необходимых для психического и физического развития условий. Оказалось, что это может происходить даже в полных семьях. В зависимости от того, какие условия недополучены и какие индивидуальные качества и способности не получают развития, выделяют различные формы депривации: сенсорную, моторную, физическую, психосоциальную и др. Известны исследования в этой области И. Лангмейера и З. Матейчека [8], Д. Баумринд [22], М. Монтессори [13] и др.

В России значительный вклад в исследование этой проблемы внесли: Н.М. Шелованов [21], Л.И. Божович [2], Л.С. Выготский [5, 6, 7], В.С. Мухина [14], М.А. Чупрова [20], А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых [15] и многие другие.

Понятие депривации используется сегодня в психологии, психофизиологии и педагогике для обозначения условий жизни, в которых человек не может реализовать свои естественные потребности. Оно широко используется в научных исследованиях, а также в практической работе педагогов, психологов, социальных работников. Особое значение оно имеет для психологии развития и специальной психологии, изучающей особенности развития ребенка с дефицитом и дефектом индивидуальных способностей в телесно-психической сфере.

Мы можем привести различные определения депривации, в которых отражается ее понимание различными исследователями этой проблемы: опыт недополучения необходимого (Ч. Райкрофт [16]); недостаточное удовлетворение каких-либо потребностей (В.В. Блейхер, И.В. Крук [1]); лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей (И.А. Фурманов, Н.В. Фурманова [19]) и др.

Антропология современного экзистенциального анализа (СЭА) рассматривает человека, решающего три клубка задач, соответствующих трем измерениям его бытия (телесному, психическому и духовному). Она нацелена на раскрытие, прежде всего духовных ресурсов личности. В ней духовное измерение человека приобретает более всеобъемлющий характер, чем психические способности и телесные функции. В связи с этим приобретает важную роль вопрос о духовном развитии личности. Стремление стать духовной личностью рассматривается в СЭА, как присущее человеку фундаментальное условие его жизни, которое реализуется через Встречу и диалог, мобилизующие его духовную сущность. Это происходит благодаря ответам на повседневные и фундаментальные вопросы, приводящие человека к экзистенции

(экзистенциальный поворот) (А. Лэнгле [12]).

Актуальность проблемы депривации для широкого круга специалистов, важное значение, которое имеет для жизни человека духовное измерение и те возможности, которые предоставляет сегодня СЭА для его исследования и развития предопределили постановку цели настоящего исследования.

Целью настоящей работы было рассмотрение феноменологической картины переживания при духовной депривации.

Основным методом, используемым в данной работе, был феноменологический подход.

Феноменологическое изучение клиентов и пациентов различных возрастных групп, основанное на антропологии СЭА, показывает, что многие из них пережили или переживают особую форму лишения, особую форму депривации. Они были **лишены Встречи с духовной личностью других людей на своем жизненном пути**. Иногда это были близкие родственники, иногда — жестокие сверстники и одноклассники, иногда духовная депривация предопределялась социальными условиями. Я хотел бы привести два примера, иллюстрирующих вышесказанное.

Примеры

□ *Пример 1.* К., мужчина 55 лет. Успешно работает на ответственной должности. Имеет жену, сына 28 лет. Последние годы обращен к религии, интересуется творчеством Л. Толстого. Имеет также намерение полностью посвятить себя религии.

Обратился с проблемой, заключающейся в трагических для него обстоятельствах жизни, вызывающих многолетнее страдание. Эти обстоятельства были связаны с его отношениями с отцом, вернее, с неразвитостью этих отношений, поскольку они никогда не общались.

У матери с отцом было кратковременное знакомство, после которого он ушел в армию. Уже без него родился К. В последующем отец вернулся в поселок, где жил К., которому было уже десять лет. Он привез с собой жену и двоих сыновей. Отец работал водителем автобуса, который возил детей каждое утро в школу. Мальчик знал, что это — его отец, а отец знал, что это был его сын. Ребенок очень хотел пообщаться с отцом, но не решался сделать первый шаг. Отец демонстрировал равнодушие и вел себя так, будто бы не знает ребенка, избегал встречи с ним глазами. Эта ситуация повторялась ежедневно в течение многих лет и вызывала у мальчика страдание. Иногда он плакал, чувствовал себя обиженным. Он не мог понять, почему так происходит. С мамой были очень хорошие, теплые отношения. Но и она не могла объяснить такое поведение отца. Он был неприветливым, закрытым человеком и периодически злоупотреблял алкоголем.

К. часто мечтал о Встрече с отцом, представлял себе, как они проводят время

вместе. Когда умерла мать, К. надеялся, что, наконец, увидится с отцом на ее похоронах. Оба его брата (по отцу) подходили к нему и выражали свое соболезнование. Он знал также, что отец где-то рядом, искал его глазами. Но тот так и не подошел к сыну. Это вызвало у К. еще большую обиду и горечь. Отец умер за несколько лет до нашей встречи. К. не был на его похоронах. В этот период он уже жил в другом городе и узнал о случившемся через некоторое время. Когда К. рассказывал эту историю, его лицо искажало страдание. Он тяжело вздыхал и говорил, что не может понять отца.

О нем самом было известно, что своей личной жизнью он не был удовлетворен. Он не мог в течение многих лет принять окончательного решения в пользу жизни с женой, от которой у него был сын, и другой женщиной, к которой испытывал более нежные чувства. Периодически он переезжал от одной к другой. Этот выбор давался ему очень нелегко. Его это очень смущало, поскольку он всегда хотел быть нравственным человеком. На него сильное впечатление производили нравственные поиски собственного предназначения и внутреннего «духовного стержня» у Л. Толстого.

Наше общение происходило в рамках четырехдневного тренинга. Индивидуальная беседа состоялась после окончания основного времени тренинга, когда К. обратился с просьбой помочь справиться с переживаниями и понять поведение отца. Это произошло в день, когда мы в составе группы побывали с экскурсией в Ясной Поляне и посетили могилу Л. Толстого. Тогда он и рассказал историю своих отношений с отцом.

После рассказа я предложил разыграть встречу с отцом так, как они могли бы увидеться единственный и последний раз в жизни. Себя я предложил на роль отца. Ему было предложено задать отцу все накопившиеся вопросы и попытаться прояснить отношения. Разговор продолжался в течение двух часов и был очень нелегким и для К. и для меня.

Вначале К. спросил, почему я бросил их с матерью. Когда я ответил, что, к сожалению, я не любил его мать, у К. на глазах появились слезы. Некоторое время он молчал. Потом он сказал: «Я все понял. Я тоже не сохраняю верность тому, кого не люблю...» Играя роль отца, я сообщил, что не находил сил, чтобы поговорить с ним раньше, не мог признаться себе в чувствах к сыну. Я спросил его: «Есть ли у тебя чувства ко мне?» В ответ он зарыдал. К. высказал свои обиды на отца, которые накопились за многие годы. У него появилась возможность отреагировать обиды и взглянуть на отца, как на человека, имеющего свои собственные проблемы. Одновременно он смог сказать и о своей любви к отцу. К концу беседы К. стал спокойнее, поблагодарил меня и сказал, что ему стало намного легче. Когда мы увиделись на тренинге на следующий день, К. подтвердил, что после проведенной беседы груз тяжелых переживаний значительно уменьшился.

Из описаний этого случая видно, что К. испытывал в течение многих лет комплексные переживания, обусловленные невозможностью персональной Встречи со значимым для него человеком. Они включали в себя обиду, неразделенную любовь, одиночество, отвержение и брошенность. К. переживал фрустрацию и травматизацию, вызывавшие страдание и боль. К. переживал также боль «не-становления»,

обусловленную невозможностью встретить себя самого как духовную личность, как духовную уникальность. Эти страдания сопровождались мучительным поиском своего духовного Я и привели во второй половине жизни к увлечению религией. В диагностическом аспекте мы можем говорить о перенесенном «посттравматическом стрессовом расстройстве» и «стойких изменениях личности, не связанных с повреждением или заболеванием головного мозга» (Международная статистическая классификация болезней МКБ-10).

Выраженность страдания, собственные антропологические предпосылки (включая наследственность), внешние условия (биография в аспекте возможности Встречи и наличия источников духовного развития) могут приводить и к иным последствиям.

Пример 2. В качестве примера может быть приведена также работа с пациентом М. 28 лет. Он женат, имеет сына 8 лет, нигде не работает в течение года.

М. обратился с жалобами на паникообразные страхи, которые возникали в автомобильных пробках. Из-за присоединившихся вторичных страхов и поведения избегания он был лишен возможности передвигаться на автомобиле и не мог работать, так как работа требовала пребывания за рулем. Эти жалобы находились в некотором диссонансе с атлетическим телосложением, множественными татуировками и дерзким взглядом. Терапевтические отношения складывались непросто. Чувствовалось, что само обращение к специалисту и признание своей слабости давались М. не легко. Этот вопрос был предметом нашего обсуждения на некоторых сессиях, и пациент мог получить в нем понимание. При появлении паникоподобных страхов у М. возникало раздражение и недовольство проявлениями собственной слабости, доходившие до «бешенства». Из-за этих реакций он не мог использовать парадоксальную интенцию, брюшное дыхание и находить опору в себе. В связи с этим работа буксовала и была необходима более глубокая биографическая работа.

М. рассказал, что отец оставил семью, когда ему было несколько лет. Мальчик воспитывался матерью, хотя всегда хотел иметь отца. В беседах часто рассказывал, как еще маленьким находился дома один, испытывал одиночество и ждал мать, которая много работала. Среди сверстников он выделялся хорошими физическими способностями — ростом и силой. Это давало ему преимущества. В уличной компании он быстро приобрел благодаря этому авторитет, легко ввязывался в драки и, как правило, выходил из них победителем. В отношениях с друзьями никогда не было тепла и привязанности. Ему запомнились ситуации, когда во время драк друзья бросали его одного. После этого он получал многочисленные травмы. После одного подобного случая он получил серьезную черепно-мозговую травму, попал в реанимацию и чудом остался жив. Рассказывая об этом, он страдал и испытывал душевную боль. С годами нарастало ожесточение, чувство невозможности справедливости, обида на людей и на жизнь. Агрессивность М. росла и стала носить неудержимый характер. Он занимался рэкетом и бизнесом, возил с собой оружие. В случае если кто-то или что-то не нравилось на улице, он мог остановиться, выйти из машины и «дать в морду». Злить его боялись. Опасалась связываться с ним, зная его агрессивность, импульсивность и непредсказуемость, даже

милиция. При этом ему всегда хотелось теплых и надежных отношений. Он искал их во встречах с девушками. Но в этом также «не везло». Когда женился, решил повести жену в ресторан. Поскольку не было на это денег, избил первого попавшегося на улице прохожего и отобрал деньги. Когда расплачивался за ужин с женой в ресторане, достал из кармана деньги, которые были в крови. Жена возмутилась. Но он с возмущением рассказал мне эту историю, иллюстрируя плохое отношение к нему со стороны жены. Все же он отмечал, что в первый год жизни с женой были теплые взаимные чувства. Особенно его радовало рождение ребенка. Однако в последующем жена «стала плевать на него», ребенок рассматривал отца только как источник подарков. Из жизни снова ушло тепло, она опять стала пустой и формальной. В душе нарастала боль и страдание. М. производил впечатление одинокого волка, который из-за боли и страдания вынужден был отказаться от хорошей жизни и собственной сущности. Необходимость сидеть дома из-за страхов его бесила. Он это демонстрировал всем своим видом.

Моя способность увидеть его одиноким, непризнанным, страдающим, несправедливо обиженным сыграла важную роль в установлении терапевтических отношений. Периодически он рассказывал шокирующие истории о своем аперсональном поведении и аперсональном обхождении с ним близких, которые не ценили его. Постепенно наши отношения стали более глубокими. М. старался быть пунктуальным. Он переживал, если опаздывал на сессию. При этом он обычно звонил и извинялся, если оказывался в пробке. Хотя поездки из-за страхов были для него вначале нагрузкой, он старался не пропускать встречи. Мне трудно было без возмущения выслушивать его рассказы об агрессивном поведении. Мои оценки были ясными, но сдержанными и осторожными. Тем временем постепенно у меня сложилось к нему отеческое отношение. Я ждал наших встреч. Они доставляли мне все большую радость. У него тоже чувствовалась большая потребность в этих встречах. Часто наше общение носило характер персонального диалога без специальной техники. Я встречал его как духовную личность, как Персону, всерьез воспринимая его повседневные проблемы. Постепенно наша работа со страхами стала более эффективной. Паника возникала все реже и становилась менее выраженной. М. достаточно свободно ездил на машине, занялся любимым делом — ремонтом иномарок. Для «крутых» машин он заказывал запчасти в США. Значительное продвижение произошло в отношениях с сыном. Но самых больших успехов мы достигли в отношениях его с самим собой. Когда он говорил о себе, у него периодически появлялись слезы. За время нашего общения (около полутора лет) М. не совершил ни одного насилия, не участвовал в драках (хотя иногда с трудом себя сдерживал). Мы смогли работать над его переживаниями, совместно искали чувства и близость в общении, готовились к трудным объяснениям с женой и другими родственниками. Я не читал ему моралей, но чувствовал, что происходит динамика его нравственных установок. Похоже, ему было нелегко полностью сменить привычки и правила поведения. Но все же он открывал себя как духовную личность, давал себе настоящему больше принятия, любви и признания и продвигался в этом небольшими шажками. Поскольку острота переживания проблем снизилась, мы постепенно подошли к расставанию без прощания с условием, что он всегда может ко мне обратиться.

Приведенный случай также отражает возможные последствия духовной депривации. Его особенностью было то, что у пациента сформировалась позиция отказа

от персональности, блокирующая его духовное развитие. У него были отчетливо выражены черты пограничной и антисоциальной личности с нарциссическими добавками и паникообразными страхами. Отвержение, которое пережил М., привело к отвержению им самого себя. В данном случае речь шла о перенесенной в результате духовной депривации травме и последующем аперсональном (не вносящем свою духовную сущность в свою жизнь) формировании личности. Мы используем здесь понятие «формирование личности», чтобы отличать его от используемого клиницистами понятия «развитие личности». Ведь в данном случае речь идет скорее о неразвитии, нераскрытии с утратой доступа к духовно-этическому ядру личности и обусловленным этим аперсональным поведением. Этот пример демонстрирует более глубокое по сравнению с предыдущим случаем расстройство, являющееся следствием духовной депривации с более выраженной блокадой переживания.

В подобных случаях чаще встречаются примеры неудачной терапии. Однако приведенный пример является достаточно показательным и как особый результат духовной депривации, и как случай, позволяющий увидеть особенности терапевтической работы. Терапия прошла через формирование терапевтических отношений, раскрытие чувств, депрессивность к занятию позиции в отношении неэтичного обхождения с собой и с другими.

В приведенных примерах мы можем обратить внимание на то, что определенная форма лишения привела к утрате (либо недостижению) своей духовной сущности. Если в первом случае прослеживалось компенсаторное и гиперкомпенсаторное духовное развитие личности, то во втором отмечалась его блокада и формирование личности в основном за счет психических структур Я.

Попытаемся, основываясь на собственном опыте феноменологических наблюдений, описать характер переживания, возникающего, когда ребенок, а затем уже и взрослый человек пережил или переживает духовную депривацию. Наш опыт свидетельствует о том, что, несмотря на возможные различия в рамках различных личностных структур, основное ядро этого переживания, как правило, многократно воспроизводится.

Феноменологическая картина переживания духовной депривации

Примеры духовной депривации и ее последствий хорошо известны из истории, описаний художественной литературы. Ее переживал и Иисус Христос. Однако мы сможем яснее почувствовать это переживание, если обратимся к собственному опыту и опыту дорогих нам, близких людей. Как переживается ситуация, в которой мы не получаем приятия, сочувствия и любви, признания от близких и значимых людей?

В такой ситуации возникает чувство обделенности, пустоты, безжизненности и обиды. Жизнь становится похожей на растительное существование. К этим переживаниям добавляется чувство внутреннего разрушения, если близкие и значимые люди травмируют. Если эта ситуация продолжается долго, раны не заживают. Чувство омертвения внутри нарастает и может напоминать «мертвый, не родившийся плод» на

поздних сроках беременности, когда аборт уже делать поздно. В отличие от шизофрении, — это не родившееся «свое», а не мертвое «чужое». Это переживание сопровождается повышенной потребностью получения питающей духовной Встречи извне. Оно напоминает страдания путника, который мечется по пустыне и не может найти источник живительной влаги, в связи с чем оказывается обреченным на медленную утрату сил, жизни и на мучительную смерть. Так появляется отделение от жизни изнутри и снаружи.

Человек может испытывать недоступность и утрату переживания собственной сущности, которая является одной из самых больших ценностей. Ее ценность сравнима только с сильной любовью, поскольку сила любви и определяется, прежде всего, тем, что ценность другого человека имеет высокую степень спаянности с собственной сущностью. Они неразделимы. С этим переживанием связана боль «нестановления», боль от того, что не стал самим собой. Ведь переживание раскрытия собственной духовной сущности позволяет нам пережить собственную неповторимость и уникальность («что я такой, какой есть, важен сам по себе»). В связи с этим понятно недоумение П. Безухова в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: «В плену держат меня. Кого меня? Меня! Меня — мою бессмертную душу! <...> И небо и звезды — все это мое, и все это во мне, и все это я!» [17].

Непримиримость и страдание вызывают факты уничтожения огромного количества индивидуальностей в гитлеровских газовых камерах и в сталинских лагерях, которые являются преступлением против человечности. Мы можем вспомнить в связи с этим также и судьбу В. Франкла [18]. Но нечто похожее может происходить и в мирное время, в нашей повседневности.

Комплексное переживание, обусловленное депривацией, может приводить к тому, что человек теряет связь (или не устанавливает — в аспекте развития) с жизнью, с собой и с окружающим его Миром. Духовная депривация извлекает его из этой связанности. Опустошается внутреннее содержание переживания, уходит «согласие», и речь идет лишь о сохранении внешней формы при внутреннем омертвлении. За такую жизнь приходится платить определенную цену. Так депривация может вести к утрате потенциала в обхождении с собой и окружающим Миром.

Проведенное нами исследование позволяет сделать некоторые выводы:

1. Духовная депривация представляет собой лишение Встречи с духовной сущностью других людей.
2. Духовная депривация (при рассмотрении этой проблемы с позиций современного экзистенциального анализа) ведет к утрате (или недостижению) собственной духовной сущности.
3. Переживание духовной депривации имеет характерную феноменологическую картину, в которой отражается утрата связи с окружающим Миром, с жизнью, с собой. В ней присутствует переживание пустоты, обделенности, обиды, омертвления, боли, разрушения. Отвержение, получаемое извне, может приводить к отвержению жизни и себя, идущему изнутри.

4. Наше исследование показывает, что потребность в духовной Встрече является одной из фундаментальных человеческих потребностей, лишение или невозможность которой может приводить к духовной депривации.

□□□□□□□□□□ Литература

1. Блейхер В.В., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж, 1995.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
3. Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.
4. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004.
5. Выготский Л.С. Основы дефектологии. Спб., 2003.
6. Выготский Л.С. Принципы социального воспитания глухонемых детей // Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 5.
7. Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2005.
8. Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984.
9. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2005.
10. Лэнгле А. Травма и смысл против утраты человеческого достоинства // С собой и без себя. Практика экзистенциально-аналитической психотерапии. М., 2009.
11. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Психотерапия. 2004. № 4. С. 41-48.
12. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 5-23.
13. Монтессори М. Дом ребенка. Метод научной педагогики. Гомель, 1993.
14. Мухина В.С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 32-39.
15. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. Спб., 2005.
16. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. Спб., 1995.
17. Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1954. Т. 3-4. С. 540-541.
18. Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М., 2004.
19. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребенка. М., 2004.
20. Чупрова М.А. Нарушение интерперсональных отношений и эмоционального развития у детей-сирот без опыта жизни в семье: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
21. Шелованов Н.М., Аскарина Н.М. Воспитание детей раннего возраста в детских учреждениях. М., 1955.
22. Baumrind D. Parenting Styles and Adolescent Development // Encyclopedia of Adolescence. N.Y., 1991.
23. Bowlby J. Attachment and Loss: Separation: Anxiety and Anger. N.Y., 1973. Vol. 2.
24. Bowlby J. Maternal Care and Mental Health. Geneva, 1951.